

П Р И Б А В Л Е Н І Я КЪ ВОЛОГОДСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ

(ГОДЪ СОРОКЪ СЕДЬМОЙ).

Мая 15 № 10. 1911 года.

ВОСПОМИНАНІЯ ПРИЧЕТНИЧЕСКАГО СЫНА.

(Продолженіе).

На слѣдующій день, ровно въ 10 часовъ утра въ началѣ января 1863 года, явившись съ матерью въ архіерейскій домъ и бывъ приняты епископомъ, я объяснилъ кратко, кто мы просители и о чемъ просимъ. Принимая прошеніе, епископъ кротко сказалъ мнѣ: „это дѣло я знаю, но на Будрино опредѣлить тебя не могу. Туда просится мѣстный благочинный, которому, по силѣ извѣстной ст. Уст. Д. Консист., отказать нельзя, а вотъ, если хочешь, на мѣсто его назначу“. Такой оборотъ дѣла былъ неожиданный. Немедленно отвѣчать на него ни положительно, ни отрицательно я не могъ и попросилъ у владыки позволенія полумать и справиться о мѣстѣ въ консисторіи, а старушка, мать моей невѣсты, заботилась лишь о томъ, чтобы я не отказался отъ ея невѣсты за неполученіемъ Будринскаго мѣста. По консисторскимъ документамъ Будринская причтовая доходность была, правда, выше, чѣмъ доходность церкви, при которой 12 лѣтъ служилъ благочинный, но прихожанъ при этой церкви было больше, чѣмъ при церкви Будринской. Какъ писмоводителю семинарскаго правленія, канцелярія консисторіи мнѣ была хорошо знакома. Посоветоваться было для меня полная возможность съ опытыми столоничальниками. Они разсудили, что Будринская доходность причта приподнята умершимъ священникомъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, намѣренна, чтобы привлечь вниманіе семинаристовъ къ его невѣстѣ и мѣсту, уже официально оставленному за нею. А благочинный этотъ не любитъ хвастать своею доходностью, которая, безъ сомнѣнія, у него очень понижена. Консисторія считаетъ эти приходы по причтовой доходности почти равными, съ той только разностію, что Будринскій приходъ ружный и близгородный, а приходъ благочиннаго въ 35 верст. отъ Устюга и хозяйственный. „Да знайте наконецъ, что ни одинъ благочинный, въ виду покровительствующей имъ ст. Уст. Д. Конс. (ее вѣтъ въ послѣд-

немъ изданіи), на худомъ мѣстѣ жить не станеть". Поблагодаривъ за совѣты и разъясненія моихъ консисторскихъ пріятелей, я рѣшился занять мѣсто благочиннаго. Со стороны невѣсты возраженій не послѣдовало. Мнѣ оставалось только письменно заявить епископу о своемъ согласіи поступить во священники въ церкви, при которой служилъ благочинный, и сдѣлать это конечно я не замедлилъ. Прошло недѣли двѣ со времени подачи прошенія, въ теченіе которыхъ я большую часть времени проводилъ въ семействѣ Бляевыхъ и только теперь ознакомился покороче со своею невѣстой, и благочинный Дрездовъ былъ переведенъ на Бурдино, а я назначенъ на его мѣсто. Надобно было готовиться къ вѣнчанію и приготавливать священническую одежду, а денегъ у меня было не больше 5 рублей. Занявъ у зятя умершаго Бурдинскаго священника, чиновниковъ Бляева и Флоридина 100 рублей, я долженъ былъ на эти деньги и свадьбу провести и одежду устроить и на мѣсто службы уѣхать уже съ женою, за 400 верстъ слишкомъ отъ Вологды. И все это удалось мнѣ въ такъ и стеченіи благополучно, что на мѣсто службы пріѣхать я съ остаткомъ денегъ въ карманѣ въ количествѣ 20 копѣекъ. Какъ же было достигнуто это? Извольте, расскажу, если вамъ не скучно читать мою хронику. Мое вѣнчаніе совершено было въ Кирилловской Больше-Ельминской церкви Вологодскаго уѣзда, находящейся въ 60-ти верстахъ отъ Вологды по Кирилловскому тракту. Уѣхалъ я туда съ тысяцкимъ и свахой изъ Вологды въ дилижансѣ, а 10 рублей. Свадебный столъ устроилъ братъ невѣсты священникъ этой церкви о. Евгеній Веселовскій, давно уже умершій. Онъ же и проводилъ новобрачныхъ послѣ свадьбы на своей лошади въ Вологду, самъ являясь кучеромъ. Изъ моихъ гостей на свадьбѣ были только два брата Поновыхъ Евгеній и Аркадій, первый чиновникъ, а второй семинаристъ, — мои земляки и будущіе сосѣди по мѣсту службы ихъ родителя, священника Вязгородной Благовѣщенской ц. Устюжскаго уѣзда о. Ѳеодора Іоанновича Попова. А со стороны невѣсты пріѣзжали во сталу сосѣдніе священники — благочинный о. А. Подстаницкій, о. Петръ Шляинъ и о. Викторъ Введенскій съ супругами, да родной братъ невѣсты причетникъ Константинъ Веселовскій, тоже конечно съ супругами. И только. На подарничекъ мнѣ было подарено матерью невѣсты какой то леонькой матеріи, а раба, конечно одну холодную, сошилъ я на свой счетъ. 10 февраля 1863 года я былъ посвященъ въ санъ діакона, а 17 февра-

я въ санъ священника. Расходовъ при этомъ я никакихъ не терпѣлъ. Ни о.о. дьяконы соборные съ протодіакономъ, ни пѣвчие съ жезловщиками и книгодержцами, ни чиновники консисторіи — никто не обращался ко мнѣ за подачкою, зная отлично, что у меня взять нечего. Одинъ только тогдашній секретарь консисторіи Ив. Дмитриевичъ Труневъ, при выдачѣ какой-то бумаги, которую намѣренно задержалъ у себя на квартирѣ, просилъ у меня хотя бы рублевочку, но я ему отвѣтилъ, что канцелярскіе бѣдаки пощадили меня ничего не имѣющаго, а „вы-то слава тебѣ, Господи, я вѣдь давно знаю васъ, не на бѣдность же просите?“ И онъ замолчалъ и съ нескрываемымъ неудовольствіемъ подалъ мнѣ бумагу. Не могу не отмѣтить еще слѣдующаго обстоятельства. Въ день рукоположенія меня во діакона, 10 февраля, была въ 1863 году сырная недѣля. Въ теченіе же первой недѣли Великаго поста было приказано мнѣ служить діакономъ съ однимъ изъ соборныхъ діаконовъ въ Крестовой церкви. Здѣсь я не замедлилъ показать свой порядочный голосъ и умѣнье говорить недурно эктеніи. По адресу ставленника раздались похвалы. А въ слѣдъ за тѣмъ онъ былъ призванъ къ епископу и получалъ отъ него приказаніе написать проповѣдь на тему: нѣсть власти, еще не отъ Бога. Что значило бы это? Я уже діаконъ и вотъ мнѣ испытаніе. Надобно писать проповѣдь на тему политическую. Задумываться однако было некогда, надо работать. Прошелъ еще день, въ Вологдѣ заговорили, что епископъ думаетъ оставить меня діакономъ въ соборѣ. — Ну, теперь, понимаю цѣль проповѣди, рѣшилъ я въ своемъ умѣ и со всею осторожностію развилъ въ проповѣди данную мнѣ тему, чтобы не дать повода къ заключенію о моей религіозной разпутанности, или неврѣлости. Отлично, помню, что эту проповѣдь началъ я песьмя правившеюся мнѣ тирадою изъ сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, не цитируя однако ея, слѣдующею: „Есть книга, въ которой все сказано, все рѣшено, послѣ которой ни въ чемъ нѣтъ сомнѣнія, книга Божественная, святая, книга вѣчной истины, вѣчной жизни, книга эта Евангеліе“. Проповѣдь была написана и подана епископу не позже четверга первой недѣли поста, которую служилъ я діакономъ въ Крестовой церкви всю, въ присутствіи владики, а въ пятницу мнѣ уже было имъ приказано готовиться къ рукоположенію во священника въ предстоящую недѣлю Провославія. Проповѣдь моя такъ и осталась у епископа, а молва о моемъ діаконствѣ въ соборѣ замовѣла. 17 февраля, въ недѣлю

Православія и удостоился недостойнѣйшій авторъ этихъ воспоминаній получить благодать священства, по милости Божіей и доброму соизволенію многоопытнаго и мудраго архипастыря. Сорокъ семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но и теперь, святитель Христовъ, вспоминать о тебѣ и молиться за тебя — высокое, духовное для меня утѣшеніе! По рукоположеніи въ санъ священника, за первую литургію, поставленъ я былъ подлѣ покойнаго о. протоіерея Василія Іоанновича Нордова; — этотъ великій старецъ и былъ моимъ первымъ учителемъ, на дѣлѣ, въ молитвенномъ предстоаніи престолу благодати со страхомъ Божиимъ, вѣрою и любовію. Для обученія богослуженію избралъ я Казанскую церковь, въ сторожѣ которой жилъ нѣкогда больше года на антоніевой пищѣ. Обычный срокъ обученія былъ недѣля. Прошла она незамѣтно. Научиться служить тому, кто съ дѣтства былъ въ церкви, любилъ церковную службу, пѣлъ, читалъ въ церкви, кто прислуживалъ въ алтарѣ, было нетрудно. Получена была затѣмъ и грамота, причемъ преосвященный Христофоръ благословляя на служеніе, кромѣ обычныхъ добрыхъ пожеланій, не сказалъ ничего особеннаго, даже не намекнулъ о непріятномъ семинарскомъ дѣлѣ. Нужно было отправить два небольшихъ сундука, получившихся съ вещами моей жены, на мѣсто службы, чтобы самимъ намъ уѣхать затѣмъ ужъ, какъ случится, совершенно налегкѣ. И этотъ маленькій багажъ нашъ былъ отправленъ по назначенію съ извозщикомъ Василиемъ Ивасовичемъ Латынцевымъ, оказавшимся моимъ прихожаниномъ. Оставалось съѣздить въ Малое Кириллово, проститься съ новыми родственниками тамъ, друзьями и покровителями моими въ Вологдѣ, и уѣзжать на мѣсто службы. Пока все это происходило, были опредѣлены на священническія мѣста нѣкоторые изъ моихъ товарищей. Василій Константиновичъ Смирновъ, женившійся съ воли на священнической дочери Ключаревой, поступилъ священникомъ на мѣсто отца своего къ Вобровниковской церкви, вблизи Устюга. Очень дѣльный это былъ человекъ, но, къ сожалѣнію, скоро овдовѣлъ, пошелъ въ монастырь, сталъ вышивать и преждевременно умеръ. Степанъ Ивановичъ Поповъ, женившійся на Яблонской, дочери бывшаго Вологодскаго протодіакона, поступилъ во священники къ Утмановской Илиинской ц. Никольскаго уѣзда. Удивительно то, что этотъ молодой человекъ, учась въ семинаріи, табакъ не курилъ, водки не пилъ, а поступивъ на службу, вдругъ запилъ, а потомъ послѣ безусыпныхъ вразумленій былъ лишенъ мѣста и

умеръ также преждевременно. Аединотъ Прокольевичъ Поновъ, съ которымъ при поступленіи во священники не однажды встрѣчался я въ Вологдѣ и видѣлъ плохое состояніе его здоровья, очевидно самъ не понималъ этого, женился на какой-то богатой священнической дочери Никольскаго уѣзда, за которую тоже было оставлено священническое мѣсто при одной изъ Вохомскихъ церквей и принялъ санъ священства. Обучившись богослуженію въ Вологдѣ, поѣхалъ онъ съ молодою женою на Вохму уже совершенно обезсиленнымъ, больнымъ. По прибытіи на мѣсто едва онъ могъ отслужить одну литургію, въ первый день Пасхи, или въ недѣлю Вай—уже не помню, затѣмъ слегъ въ постель и умеръ отъ скоротечной чахотки, не побывавши ни разу въ приходѣ. А для меня между тѣмъ пришла пора выѣзжать къ мѣсту моей службы. Ёхать нужно было 400 верстъ, а денегъ у меня оставалось только 20 рублей. Необходимо дорожить каждою копейкой, но какъ? Въ Вологдѣ за первую станцію спросили съ меня 3 рубля, чего я дать не могъ. Попутчиковъ ни близкихъ, ни дальнихъ не оказалось. И я упротилъ знакомаго биржеваго извозчика отвести меня съ женою на одной лошади въ легкихъ саняхъ первую станцію. Добрый человекъ согласился и отвезъ насъ за безцѣнокъ. Объ удобствахъ такой ѣзды не спрашивайте, то была не ѣзда, а мученье, но иначе поступить не могъ, по не имѣнію средствъ. А затѣмъ поѣхали дальше гдѣ на парѣ лошадей за пятачекъ на версту, а гдѣ и на одной лошади. У знакомаго духовенства нигдѣ я не останавливался, за что потомъ и получилъ упрёки и замѣчанія. Нужно признаться, что мнѣ стыдно было являться къ добрымъ людямъ, съ молодою женою, въ такой еще бѣдности, на которую я пошелъ добровольно, не боясь ея, но стѣняясь не столько за себя, сколько за жену. На пути къ мѣсту службы была моя родина, въ 5-ти лишъ верстахъ въ сторону отъ почтовой дороги. Сюда пріѣхали мы въ такое время, когда батюшка мой, по домашнимъ обстоятельствамъ, былъ въ Устюгѣ. Дождались его, при немъ побыли еще сутки и имъ же наконецъ были привезены въ тотъ приходъ и погостъ, на мѣсто о. Дроздова, гдѣ суждено было мнѣ послужить церкви Христовой, въ теченіе 24 лѣтъ съ половиной, сперва простымъ священникомъ, а потомъ и благочиннымъ родного округа.

XI.

Среди благо дня, на одной лошадекъ, скромно подѣвжая къ мѣсту предстоящаго мнѣ пастырскаго служенія, только за пол-

версты, черезъ вершины молодого соснового лѣса я увидѣлъ церковные кресты, а самую церковь увидѣлъ, когда уже былъ на погостѣ. На погостѣ было три причтовыхъ дома и просфорническая келья. У причта дома были собственныя и лучшимъ изъ нихъ былъ діаконскій. Составъ причта былъ трехчленный, состоящій изъ священника, діакона и причетника. Я попросилъ временнаго пріюта у причетника Димитрія Васильевича Попова и былъ принятъ имъ радушно. Это была среда 6-й недѣли Великаго поста. Посѣтивъ о. діакона Димитрія Абрамовича Попова, я посидѣлъ въ церкви, обдавшую меня, вмѣсто успокоенія, холодомъ и страхомъ. Церковь была очень малая, хотя и каменная, съ такою же ничтожною и разваливавшеюся колокольнею, обтупитой попоже звона желѣзнымъ кольцомъ. Весь звонъ состоялъ изъ 5-ти колоколовъ, въ коихъ вѣсу не достигало и до 40 пудовъ. Вѣ колокола повѣшаны были на одномъ словомъ краѣ, положенномъ на проемыя связи въ звоновыхъ окнахъ. Ограды вокругъ церкви не было даже деревянной. Весьма ветхія, св. ворота держались на подпоркахъ, а дальше — или плохой огородъ, или ни ограды, ни огорода. Двери въ церковь были устроены, какъ въ баню, прости Господи, въ одну половинку, плотничныя и были такъ низки, что мнѣ надобно было при входѣ очень наклоняться. Ширина теплой церкви, тина Устюжской Воскресенской, была 5 саж. и 2 арш., а длина 11 аршинъ. На святыхъ иконахъ лика Божьяго было не видно. Не много лучше было и въ холодномъ храмѣ, имѣющемъ по 4 саж. въ длину и ширину, но лучше. Здѣсь былъ полъ, правда, изъ необработанной сухонской плиты, а въ алтарѣ кирпичный, но лики святыхъ на иконахъ были видны. Въ церкви холодной и алтарѣ была таже тѣснота и пыль, что и въ церкви теплой, но одежды на престольныя и на жертвенникѣ были чѣлы, а въ теплой единственная на престольная одежда была въ заплатахъ! Хотя я былъ тогда 21 года, когда человѣкъ головы не вѣситъ, но я все-таки вернулся въ свою квартиру нерадостнымъ. Какъ и буду здѣсь служить и что могу сдѣлать? Эти вопросы встали въ моей душѣ во всей своей силѣ и, какъ кошмаръ, подавляли меня своею тяжестью. При этомъ оказалось, что причтомъ возбуждена переписка о постройкѣ каменной ограды, а денегъ въ церковной казѣ нѣтъ. Ну, ладно, рѣшилъ я, проживу, увижу. Надобно позаботиться и о себѣ. Мнѣ нужна квартира и содержаніе, а денегъ въ карманѣ 20 копѣекъ. И то не бѣда. Въ чет-

вергъ я съѣздилъ въ лучшія деревни за сборомъ. Мнѣ надавали тамъ пудовъ 10—15 ячменя и ржи. Народъ понравился. Въ пятницу было много исповѣдниковъ. Началась служба. О. Дроздовъ на Будрино уже перебрался съ семьей, скотомъ и животомъ. Въ вербное воскресенье послѣ обѣди навѣстили меня нѣкоторые почтенные старички изъ моихъ прихожанъ. Одинъ изъ нихъ, нѣкто Ѳеодоръ Ивановичъ Карелинъ, крестьянинъ дер. Устья Микальскаго, вызвавъ меня въ сѣни, сказалъ мнѣ: „черезъ недѣлю будетъ Пасха, а у тебя вѣдь ничего нѣтъ, да нѣтъ — поди и денегъ“ и, открывъ бумажникъ, добавилъ: „бери, сколько надо, разживешься расплатишься“. Такая внимательность простого крестьянина меня тронула глубоко. Искренно поблагодаривъ, я взялъ у него 10 рублей, да 5 рублей получилъ отъ родителей на покое, поѣхалъ въ Устюгъ, понакупилъ муки и соли, сахару и чаю, а самоваръ дали мнѣ родители на время, и сталъ въ свое время съ праздникомъ. При поѣздкѣ въ Устюгъ звѣзжалъ я на Будрино къ мѣстному о. благочинному, чтобы представиться и столкнуться съ нимъ о домахъ его на мѣстѣ моей службы и жены моей на Будринѣ. Оказалось, что я ошибся. О. благочинный, предъявивъ мнѣ копію съ духовнаго завѣщанія о. Іоанна Воскресенскаго, дяди жены моей, умершаго Будринскаго священника, тотъ и другой дома призналъ своею собственностію. Первый, по словамъ его, былъ отданъ ему лично прихожанами, по приговору, а послѣдній онъ присвоилъ себѣ по неосторожному выраженію въ духовномъ завѣщаніи о. Іоанна Воскресенскаго. Увѣренный въ томъ, что Будринское священническое мѣсто будетъ занято мужемъ его племянницы, о. Воскресенскій въ духовномъ завѣщаніи своемъ сказалъ, что домъ свой отдаетъ тому, кто будетъ послѣ него на Будринѣ священникомъ. Дѣлать было мнѣ нечего, я принужденъ былъ уступить Дроздову Будринскій домъ, а домъ его купить за 300 рублей и вошелъ въ него къ празднику Пасхи. Съ теченіемъ времени, однако, изучивши дѣло о передачѣ о. Дроздову прихожанами общественаго дома, я убѣдился, что домъ нѣкоторою частью ихъ былъ уступленъ ему не лично, а какъ мѣстному священнику, а самый приговоръ, въ отношеніи смысла и количества подписей, требуемаго закономъ, сфабрикованъ искусственно, и въ уплатѣ денегъ ему отказалъ. А между тѣмъ присвоенный имъ домъ жены моей, послѣ дяди на Будринѣ, отъ неизвѣстной причины сгорѣлъ. — „Сохнетъ море, да не такъ, какъ лужа“, отозвался послѣ потери того и дру-

того дома этотъ богатый священникъ-благочинный, а меня обозвалъ, впрочемъ заглазно, „ёрой“, — и только, безъ всякой, повидимому, мести.

Пришелъ и праздникъ св. Пасхи, бывшій въ 1863 году 31 марта, на которую явился ко мнѣ гость, ученикъ Устюжскаго д. училища, родной братъ мой Николай, нынѣ священствующій въ Никольскомъ уѣздѣ Вологодской епархіи. Причетникъ и діаконъ оказались съ хорошими голсами, особенно послѣдній, обладавшій сильнымъ басомъ, съ крѣпкими и чистыми нотами, ввиду и въ среднѣй гаммѣ. Оба они были люди не старые и не глухие, церковную службу знали отлично и съ ними служить было очень пріятно. Богомольцевъ было въ день Свѣтлаго праздника, какъ и въ недѣлю Ваий и въ праздникъ Благовѣщенія, много. Службу совершали и не спѣшно, но въ первый день Пасхи перерыва между утреней и обѣдней, какъ практиковалось прежде, не сдѣлать, за что и получилъ отъ прихожанъ спасибо. При выходѣ изъ церкви, послѣ обѣдни, меня поразило въ самой церкви зрѣлище странное и никогда не виданное, чего я уже и не могъ оставить безъ вниманія. Группы женщинъ и мужчинъ сидятъ на полу съ постланною на немъ скатертью и угощаются водкой, а другіе тоже дѣлаютъ стоя. Ничего не понимая, съ удивленіемъ спрашиваю: „о! діаконъ, что это?“. „Это обычай разговленія сегодня въ самомъ храмѣ“ отвѣчалъ онъ. Вотъ такъ обычай!.. И пришлось мнѣ, поздравивши разговляющихся покабацки въ храмѣ Божіемъ съ праздникомъ, строго пригласить ихъ выйти на улицу для взаимнаго угощенія. Поотпѣкивались, но вышли, когда услышали, что священникъ не выйдетъ изъ храма, пока всѣ угощающіе и угождаемыя не прекратятъ здѣсь угощенія, пока не выйдутъ для этого вонъ. Послѣ славы у причта и просфорни не много поотдохнувши, пошли мы со славой въ ближайшія деревни до вечерни, къ которой и приглашалъ я прихожанъ помолиться, узнавши отъ причта, что за вечерней богомольцевъ бываетъ мало. Обѣщались и пришли многіе, но не всѣ. Пасхальная слава здѣсь происходила почти также, какъ и на моей родинѣ. Отправлялся Пасхальный молебенъ съ водоосвященіемъ передъ иконою Божіей Матери и пропѣвались стихиры Пасхи, за что хозяинъ дома и уплачивалъ причту 10 коп., коригу хлѣба фунтовъ 6—7 и 5 яшнхъ пироговъ. Угощеніе же предлагалось только въ нѣкоторыхъ, а не во всѣхъ домахъ. Цивъ уже не было нигдѣ, а водка была у нѣкоторыхъ и имен-

но у тѣхъ прихожанъ, которые сами бывали въ гостяхъ у духовенства. При всемъ томъ неосторожному въ употребленіи водки не возможно было выходить цѣлый день трезвымъ, хотя бы то былъ молодой и крѣпкій человѣкъ. Замѣчательно далѣе то, что на шестой и седьмой недѣляхъ Великаго поста никакихъ тѣбъ, за исключеніемъ одного напутствія и одного погребенія, не было, а на недѣлѣ Пасхальной онѣ начались съ перваго дня, было ихъ много и очень мѣшали онѣ церковной службѣ и хоженію со славой по приходу, когда передергивали меня изъ конца въ конецъ по большому и широко раскинутому приходу, на пространствѣ 25 верстъ. Во время перваго же посѣщенія домовъ прихожанъ я замѣтилъ въ значительной части ихъ, или лошадиную подкову, прибитую къ полу у порога, или пучекъ вересковыхъ вѣтвей подъ матицей, или солонку, или яица на божницахъ, но знакомясь съ прихожанами, не разспрашивалъ ихъ ни о какомъ изъ означенныхъ предметовъ. Во время же слѣдующей мнѣ пришлось всерьезно побесѣдовать о средствахъ содержанія сельскаго духовенства, въ виду предъявленныхъ мнѣ возраженій. Я и не зналъ еще въ точности всѣхъ средствъ содержанія духовенства въ моемъ приходѣ и за славу принималъ вознагражденіе въ томъ видѣ и количествѣ, въ какомъ оно установлено было до меня. Между тѣмъ въ одномъ концѣ прихода, гдѣ все населеніе вообще было склонно къ критикѣ духовенства, зародилась мысль насѣсти на новаго, молодого священника, чтобы вынудить его на какую либо убавку въ сборахъ и въ платѣ за молебны, славу, панихиды, заупокойныя обѣды. Для этого и избрана была депутатія изъ трехъ довольно молодыхъ, довольно начитанныхъ, но особенно вѣжливыхъ, но и не дикихъ грубияновъ, а трезвыхъ и умныхъ людей, которыхъ узнавши поближе, я всегда уважалъ послѣдствіи. Но мнѣ не трудно было отражать направленное не прямо, а лишь косвенно на меня удары. Я отвѣчалъ депутатамъ: ни оспаривать васъ, господа, ни соглашаться съ вами теперь я не буду и не могу. Вы видите, что я только начинаю служить, только знакомлюсь съ вами, только смотрю на то, какъ вы относитесь ко мнѣ, къ причту, къ храму Божію, ничего новаго не устанавливаю и ни о чемъ даже не прошу васъ пока. Разсудите и успокойтесь. А обо мнѣ знайте, что хотя я и молодой, но зря поступать не желаю бы. Послѣ бесѣды въ одномъ изъ домовъ деревни Пупышева въ этомъ именно смыслѣ г.г. депутаты крестьяне Михаилъ Семеновичъ Холоповъ, Ѳеодоръ Сте-

пановичъ и Аѳанасій Ваулины оставили меня навсегда по данному вопросу въ покоѣ и стали скоро затѣмъ въ ряды искренно преданныхъ мнѣ людей. Но такъ, или иначе за славой и требамъ промелькнула первая Пасхальная недѣля въ Е—ѣ незаметно, кончена и Пасхальная слава. Появился у меня хлѣбъ всяческій и деньги въ небольшомъ количествѣ. Нужно было подумать о своемъ хозяйствѣ. Нуженъ былъ скотъ, нужны сѣмена для посѣва „вешняго“. Мой предшественникъ объявилъ, что въ ржаномъ полѣ сѣять ячмень право принадлежитъ ему, а я могу засѣвать овсомъ только другое поле и готовить подъ посѣвъ корня поле третье. Значитъ нуженъ еще и навозъ, для удобренія этого поля, нужны и ржанныя сѣмена, нужны наконецъ и рабочія руки. Не много времени прошло, какъ поступилъ и во священники, но нужды жизни и службы со всѣхъ сторонъ охватили меня. И теперь, какъ подумаешь страшно за человѣка, бѣднаго юношу, начинающаго жить и служить въ деревнѣ безъ средствъ и друзей, съ одною лишь вѣрою въ Бога и добрыхъ людей. А тогда въ годы благословенной юности, ничто не пугало, ничто не казалось страшнымъ. Нѣсколько коровъ и навозъ купилъ я у моего предшественника въ долгъ, купилъ овса на сѣмена на наличныя деньги, по дорогой цѣнѣ (по 70 к. пудъ), часть печенаго хлѣба роздалъ бѣднякамъ въ уплату за сѣнокосъ, ржи на сѣмена взялъ у зажиточныхъ прихожанъ взаймы, а на вывозку навоза и на жнитво сдѣлалъ помочи. Купилъ я даже жеребенка въ надеждѣ выкормить, но его медвѣдь изволилъ скушать, или волки-нахалы. Что касается полевыхъ работъ—пашни, боронки, уборки овса съ поля въ гумно, купленное у того же о. Дроздова, и молоченья, то всѣ эти работы были отданы за 30 рублей. Прислуги намъ было не нужно, моя жена, начавшая жизнь въ сиротствѣ, и съ 13-тилѣтнаго возраста до 17-ти лѣтъ, по волѣ бѣдной матери, принужденная жить и служить, съ чужими людьми, дядѣ—старому вдовому священнику, умѣла все дѣлать сама. А потомъ пожаловала къ намъ и теща. Такъ и начали мы потихоньку да помаленьку нашу трудовую жизнь, совѣтуясь лишь въ вопросахъ хозяйственныхъ съ умными стариками и старушками изъ своихъ прихожанъ. А прихожане, говоря вообще, съ теченіемъ времени намъ понравились въ такой степени, что не смотря на то, что пресвященный Павелъ Дороховъ дважды переводилъ меня въ Вологду, давалъ въ Устюгѣ хорошее священническое мѣсто у Іоанна Праведнаго, а

упросилъ его оставить меня въ покоѣ. Правились мнѣ прихожане открытымъ характеромъ, доброю душою, живымъ воспріимчивымъ сердцемъ, словоохотливостью, послушаніемъ. Не многого я отъ нихъ и желалъ, желалъ только довѣрія и послушанія, въ надеждѣ, что успѣхъ будетъ тамъ, гдѣ водворится съ одной стороны довѣріе и послушаніе, а съ другой забота объ общей пользѣ и честный трудъ. Никогда не помышляя ни о богатствѣ, ни о наживѣ, я не хотѣлъ ничего дѣлать круто, а шелъ къ цѣли, если казалось то пужнымъ и справедливымъ, осторожно, но всегда стойко. Относиться равнодушно къ требованіямъ нужды и долга, и безразлично къ обычаямъ добрымъ и дурнымъ, среди моей паствы, — я не могъ, и по свойствамъ темперамента, и по личному сознанію своихъ обязанностей. При этомъ случалось, что и обострялись иногда взаимоотношенія мои къ прихожанамъ, но я никогда не отступалъ въ надеждѣ, что поймутъ же наконецъ меня добрые люди, которыхъ было не мало. И не ошибся.

Экскурсія воспитанниковъ Вологодской духовной семинаріи 13—17 апрѣля 1911 года.

Во второй половинѣ Пасхальной недѣли группа воспитанниковъ Вологодской духовной семинаріи вмѣстѣ съ помощникомъ инспектора Е. Глѣбовымъ совершила поѣздку въ города Ярославль, Сергіевъ Посадъ и Москву. Въ поѣздкѣ приняли участіе четырнадцать воспитанниковъ (семь — VI класса, четыре — V кл., двое IV кл. и одинъ I класса).

Въ среду 13 апрѣля въ 11^{1/2} часовъ ночи экскурсанты выѣхали изъ Вологды въ Ярославль. Начальникомъ станціи „Вологда“ былъ отведенъ имъ цѣлый вагонъ, такъ что ѣхавшіе пользовались въ дорогѣ полнымъ удобствомъ и бодрствовали всю ночь: радостное возбужденіе царило среди путешественниковъ. Раннимъ утромъ предъ ними предсталъ древній городъ Ярославль. Первое знакомство съ великой рѣкой Волгой, красивая набережная, величественные и красивые храмы — все приподняло настроеніе экскурсантовъ. Имъ даже не хотѣлось ѣхать на трамвай, и они бодро пошли пѣшкомъ, любуясь незнакомымъ городомъ и обмѣливаясь впечатлѣніями.

Ярославская семинарія радушно приняла вологжанъ; за небольшую плату имъ были предоставлены помѣщеніе и содержаніе. Послѣ краткаго отдыха всѣ пошли осматривать городъ и прежде всего старинные и богато украшенные храмы. Въ теченіе дня

были посѣщены Успенскій кафедральный соборъ (поправившійся своимъ благолѣіемъ); Спасскій монастырь, Казанскій монастырь, Власіевская церковь и црковь св. Іоанна Предтечи — одна изъ старинныхъ и оригинальныхъ по своей архитектурѣ (25 главъ сверкающихъ позолотой); особенно здѣсь привлекаетъ вниманіе археолога придѣлъ въ честь Казанскихъ святителей Гурія и Варсонофія. Въ послѣдней церкви экскурсанты расписались въ книгѣ посѣтителей послѣ недавней записи слушателей Петербургскихъ инженерныхъ курсовъ. Въ соборѣ и Спасскомъ монастырѣ путешественники прикладывались къ св. мощамъ Ярославскихъ чудотворцевъ. Затѣмъ были осмотрѣны зданіе Демидовскаго юридическаго лица (снаружи), памятникъ Демидову и др. болѣе или менѣе замѣчательныя городскія сооруженія. Часть дня была посвящена ознакомленію съ зданіемъ духовной семинаріи. Здѣсь любезно давали указанія и объясненія г. инспекторъ семинаріи и его помощникъ г. Орлетскій. Красивое мѣстоположеніе семинаріи (на берегу рѣки Которосли, — широкой во время весенняго разлива) и ея обширныя зданія, вмѣщающія 600 воспитанниковъ, отмѣчены были путешественниками. Здѣсь вологодскіе воспитанники познакомились съ ярославскими, и послѣдніе — особенно двое изъ нихъ — взяли на себя трудъ сопровожденія экскурсантовъ при ознакомленіи съ городомъ. Послѣ семинаріи путешественники были приглашены зайти въ зданіе Іоанновскаго епархіальнаго женскаго училища, гдѣ имъ были показаны церковь, актовъ залъ, нѣкоторые классы, физическій кабинетъ и пріемная комната. Конечъ дня былъ отданъ прогулкѣ по городскому бульвару и волжской набережной. Своей сравнительной чистотой и благоустройствомъ, красивыми зданіями и оживленіемъ г. Ярославль произвелъ на экскурсантовъ довольно сильное и оживляющее впечатлѣніе.

Около часу путешественники направились далѣе и раннимъ утромъ прибыли въ Троице-Сергіеву Лавру. Знаменитая историческая обитель съ своими разноцвѣтными и златоглавыми храмами видна уже издали. Въ Лаврѣ, благодаря расположеніямъ о. вѣстника, экскурсантамъ безплатно были предоставлены два номера въ лаврской гостинницѣ и содержаніе. Оправившись послѣ дороги, всѣ направились въ Троицкій соборъ, гдѣ почитаютъ св. мощи преподобнаго Сергія. Здѣсь совершалась литургія при обычномъ многочисленномъ стеченіи богомольцевъ. Среди присутствующихъ въ храмѣ молилась Великая Княгиня Ели-

завета Теодоровна, только что прибывшая въ этотъ день изъ Москвы. Простое, безыскусственное и въ тоже время неторопливое и какое-то строгое пѣніе лаврскаго хора произвело сильное впечатлѣніе на путешественниковъ. Послѣ литургіи и молебна, приложившись къ мощамъ преподобныхъ Сергія и Никона, военинники направились на поклоненіе святынямъ и осмотръ достопримѣчательностей Лавры. Подъ руководствомъ опытнаго и умѣлаго о. іеродіакона, специально назначеннаго о. намѣстникомъ, экскурсанты обозрѣли всѣ лаврскіе храмы и замѣчательныя зданія и даже прошли кругомъ по всей стѣнѣ. Этотъ обходъ сопровождался обстоятельными историческими разсказами о жизни св. подвижниковъ обители (начиная съ ея основателя) и событіяхъ ея богатаго прешлаго. Не оставлены безъ указаній даже цѣнность и художественныя качества различныхъ приношеній, поступавшихъ въ даръ Лаврѣ отъ ея многочисленныхъ почитателей, начиная съ русскихъ царей. Подкрѣпившись въ трапезной церкви (оригинальной по архитектурѣ и окраскѣ) и немного отдохнувъ, воспитанники отправились осматривать Московскую духовную академію.

Въ академической церкви шло всенощное бдѣніе, которое совершалъ преосвященный ректоръ академіи, епископъ Теодоръ, въ сослуженіи двухъ архимандритовъ, ректоровъ Казанской и Таврической семинарій, и студентовъ, имѣющихъ священный санъ. Среди многихъ богомольцевъ присутствовала Великая Княгиня Елизавета Теодоровна. Пѣлъ хоръ студентовъ, присутствовали профессора. Храмъ былъ по пасхальному освѣщенъ и украшенъ зеленью. Послѣ всенощнаго бдѣнія началось обозрѣніе академическихъ зданій. Здѣсь руководителемъ съ разрѣшенія г. инспектора академіи былъ студентъ IV курса И. Смирновъ (изъ воспитанниковъ Вологодской семинаріи). Показавъ аудиторіи и жилища помѣщенія, онъ каждому изъ путешественниковъ снабдилъ на память брошюрой: „Пастырско-просвѣтительное братство при Московской духовной академіи“.

Подъ вечеръ, въ тотъ же день экскурсанты направились въ Черниговскій скитъ. Къ сожалѣнію, позднее время не позволило долго оставаться въ скитахъ, и, осмотрѣвъ Геосиманію, попутно полюбовавшись красивыми видами этой мѣстности, путешественники въ 10-мъ часу вечера вернулись въ лаврскую гостиницу. Въ 5 часовъ утра всѣ направились въ Троицкій соборъ. Здѣсь особо для нихъ былъ отслуженъ молебенъ предъ

мощами преподобнаго Сергія; пѣли сами воспитанники. За молебномъ поминались имена ихъ и ихъ родныхъ. Затѣмъ, панихисъ чую, богомольцы покинули гостепріимную Лавру, направившись въ Москву.

Быстро проходятъ частыя станціи и дачныя платформы. Показывается, наконецъ, и столица. Въ 10-мъ часу утра поѣздъ подходитъ къ красивому, стильному зданію Московской станціи Сѣверныхъ желѣзныхъ дорогъ. Экскурсанты выходятъ и сразу попадаютъ въ ошеломляющую сутолоку большого города. Съ Каланчевской площади путники направляются въ вагонъ трамвая къ центру города. Мелькаютъ высокіе дома, увѣшанные вывесками, проходитъ недавно поставленный памятникъ первопечатнику Ивану Федорову, замѣтно оживленіе большого города.

Приложившись къ московской святынь, чудотворной Иверской иконѣ Божіей Матери, экскурсанты вошли въ Кремль и занялись обзоріемъ его достопримѣчательностей. Къ сожалѣнію, Успенскій соборъ былъ запертъ въ виду приготовленія къ вечернему богослуженію. Путники поклонились святынямъ Архангельскаго и Благовѣщенскаго соборовъ и Чудова монастыря, осмотрѣли величественный памятникъ Императору Александру II, украшенное мѣдильнымъ крестомъ мѣсто кончины Великаго Князя Сергія Александровича и направились къ осмотру Кремлевскаго дворца. Великолѣпныя залы послѣдняго произвели на всѣхъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Обзорѣвъ затѣмъ старинную колокольню Ивана Великаго, храмъ Василія Блаженнаго, царь пушку, царь колоколь, торговые ряды, памятникъ Минину и Пожарскому, палаты бояръ Романовыхъ, экскурсанты направились въ храмъ Христа Спасителя. Богатое украшеніе и чудная живопись его долго останавливали на себѣ вниманіе. Отсюда экскурсанты перешли въ Замоскворѣчье и отправились осматривать городскую Третьяковскую галлерей. Здѣсь особенно привлекали къ себѣ знакомыя (по открыткамъ и страницамъ иллюстрированныхъ журналовъ) картины знаменитыхъ русскихъ художниковъ. Галлерей, конечно, требуетъ многихъ дней осмотра и очень быстро утомляетъ вниманіе. Сказывалась уже и физическая усталость долгаго пребыванія на ногахъ.

Подкрѣпившись въ одной изъ недорогихъ столовыхъ, (въ Московской духовной семинаріи оказалось затруднительнымъ имѣть пріютъ), экскурсанты пошли по городу, любуясь его зданіями и оживленными улицами. Прошли по Моховой—мимо зданія уни-

верситета и памятника Ломоносову, по Тверской улицѣ и Тверскому бульвару, гдѣ стоитъ памятникъ Пушкину, Страстному бульвару, Большой Дмитровкѣ и Кузнецкому мосту. Запасшись кое-чѣмъ на память (открытками и т. п.), порядочно утомленные физически и душевно, экскурсанты стали уже думать объ отъѣздѣ. Невозможность найти подходящую къ средствамъ квартиру не позволила долѣе оставаться въ Москвѣ. День экскурсантовъ закончился посѣщеніемъ всенощной въ Успенскомъ соборѣ. Историческая извѣстность этого храма, находящагося въ немъ чудотворныя мощи, уставное богослуженіе и дивное пѣніе извѣстнаго Синодальнаго хора — все это на время заставило экскурсантовъ забыть объ усталости; особенно сильное впечатлѣніе произвело на нихъ исполненіе „Свѣте тихій“ муз. П. Чайковского.

Въ восемь часовъ вечера экскурсанты выѣхали изъ Москвы, въ пятомъ часу утра были въ Ярославль и въ четыре часа дня 17 апрѣля вернулись въ родную Вологду, полные новыхъ радостныхъ впечатлѣній. Видѣнное въ новыхъ мѣстахъ прочно запомнилось и послужило матеріаломъ для оживленныхъ и длительныхъ бесѣдъ съ товарищами. Невольно возникла мысль: послѣ экзаменовъ поѣхать другой историческій городъ — Кіевъ и его знаменитую Лавру. Слѣдуетъ прибавить, что благодаря особому тарифу для экскурсій стоимость желѣзнодорожнаго билета отъ Вологды до Москвы и обратно выразилась цифрой 2 руб. 70 коп. и что вездѣ по дорогѣ экскурсанты пользовались удобствами, недоступными для обычныхъ пассажировъ III класса.

Два вѣнка.

Два имени.. два дорогія воспоминанія...

Имя бывшаго архипастыря Вологодскаго Преосвященнаго Алексія, почившаго 2 февраля сего года въ родномъ ему, далекомъ отъ насъ Арзамасѣ, я увѣренъ, навсегда, по одному сердечному долгу признательности, будетъ вписано всѣмъ духовенствомъ нашей епархіи, знавшимъ сего Владыку, въ свои синодики на ряду съ близкими родными. Къ этому нынѣ призываетъ насъ и преосвященный архипастырь Вологодскій. Мое чувство глубокой признательности къ почившему архипастырю имѣетъ въ основѣ не личное какое-либо знакомство съ нимъ или близость къ нему: я въ жизни имѣлъ случай видѣть его одинъ разъ, и только этотъ случай даетъ мнѣ и поводъ и обязываетъ

меня на свѣжую могилу его возложить вѣнокъ благодарныхъ воспоминаній не отъ своего только имени, но и отъ имени своихъ пасомыхъ того времени, имѣвшихъ счастье получить въ своемъ приходскомъ храмѣ его святительское благословеніе и наставленіе. Это рѣдкое счастье въ нашей глуши, на границѣ съ Вятской губерніей, выпало на нашу долю 11 лѣтъ тому назадъ, и воспоминаніе о немъ, какъ дорогое наслѣдіе прошлаго, съ благодарными чувствами къ почившему нашему архипастырю унесется нами въ могилу. Вѣсть о смерти Преосвященнаго наполнила скорбію сердца наши, вызвала въ памяти нашей дорогой намъ образъ его, и мы снова переживаемъ незабвенный день посѣщенія имъ нашего прихода.

Это было 7 февраля 1900 года.

Слухи о намѣреніи Вологодскаго архипастыря посѣтить нашъ уѣздъ для обзора и ревизіи церквей появились задолго до начала 1900 года. „Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“, говорили мы между собою. Въ настоящее время до Вохмы отъ Вологды по желѣзной дорогѣ „Вологда — Вятка“ ѣзды не цѣлыя сутки, а въ то время путь сюда лежалъ чрезъ Тотму и Никольскъ, около 600 верстъ на лошадяхъ. Еще болѣе не вѣрилось тому, чтобы Преосвященный могъ посѣтить всѣ церкви округа, какъ значилось въ описаніи его поѣздки. При многихъ изъ нихъ епископы не бывали цѣлые десятки лѣтъ, а при другихъ, имѣвшихъ не одну сотню лѣтъ существованія, ревизіи архипастырской не было ни разу. И наша церковь цѣлыхъ 20 лѣтъ лишена была духовнаго утѣшенія видѣть у себя своихъ архипастырей. Въ маршрутѣ Преосвященнаго были точно обозначены не только дни, но даже часы и минуты пріѣзда его къ той или другой церкви. Всѣ это казалось намъ несбыточнымъ и мало вѣроятнымъ. Къ нашей церкви Владыка долженъ былъ прибыть ровно въ 12 часовъ дня 7 числа февраля. И вотъ наступило это памятное число. День былъ морозный (-35° R), но ясный и солнечный. Съ ранняго утра цѣлыя толпы народа съ разныхъ сторонъ двигались къ церкви, точно къ пасхальной утрени въ вечеръ великой субботы. Церковный причтъ собрался въ церковь уже въ 8 часовъ утра, опасаясь пріѣзда Владыки ранѣе назначеннаго времени, такъ-какъ было извѣстно, что Преосвященный ночевалъ у одной изъ сосѣднихъ церквей, всего въ 20 верстахъ отъ нашей церкви, а на пути лежало только одно село при Зосимо-Савватіевской Соловецкой церкви. Въ исходѣ 12-го часа было дано знать, что Вла-

дыка уже въ виду церкви. Вскорѣ явились сопровождавшіе его — секретарь И. С. В., мѣстный благочинный и приставъ. Раздался звонъ „во вся“, въ умѣлыхъ рукахъ опытнаго звонаря, придававшій особенную торжественность моменту и въ то-же время усиливавшій наше волненіе и напряженное состояніе. Наконецъ, звонъ сразу прекратился: было очевидно, что Владыка у церкви. Наступила тишина... Взоры всѣхъ устремлены ко входнымъ дверямъ. Было ровно 12 часовъ дня. Еще минута тяжелого напряженного томи ельнаго ожиданія и — въ западныхъ дверяхъ появляется.... церковный сторожъ съ колокольні!.. Оказывается, Преосвященный, никѣмъ нес сопровождаемый, направился прямо въ верхнюю церковь, куда ходъ былъ открытъ, и никто не догадался доложить ему, что встрѣтить его приготовились въ нижнемъ храмѣ, куда ходъ велъ съ боку. Тревожное состояніе причта усилилось. Минуты казались вѣчностію... Грѣза являлась неизбежною. Въ памяти нашей съ быстротою молніи проносились слышанные ранѣе рассказы о строгости Преосвященнаго, суровыхъ взысканіяхъ, налагаемыхъ на неисправныхъ, неугодившихъ ему... А въ эти тяжелыя для насъ минуты Преосвященный одинъ, въ присутствіи растерявшагося отъ неожиданности одного изъ церковныхъ сторожей и двухъ сельскихъ женщинъ, осмотрѣлъ всю верхнюю церковь, вошелъ во св. алтарь, осмотрѣлъ его, загасилъ самъ всѣ свѣчи, затворилъ царскія двери, задернулъ завѣсу, а потомъ не торопясь, еще разъ осмотрѣвши всю церковь, направился въ нижній храмъ, куда ходъ былъ уже означенъ стоявшимъ по обѣ стороны народомъ. И вотъ Владыка въ нижнемъ храмѣ, предъ нами. Обычная встрѣча... Представились Преосвященному... Вопреки ожиданіямъ — ни слова упрека и выговора даже за неисправное многолѣтіе растерявшагося о. діакона. Спокойные краткіе вопросы о времени службы, о занятіяхъ въ школѣ, о числѣ небывшихъ у исповѣди, о религіозно-нравственномъ состояніи пасомыхъ — и посылные отвѣты съ нашей стороны. Только одинъ вопросъ со стороны Преосвященнаго остался безъ отвѣта, да и отвѣчать на него было трудно. Обращаясь къ діакону-псаломщику, Преосвященный спросилъ: „за что тебя сдѣлали діакonomъ“? Псаломщикъ молчалъ... Вторично: „за что, спрашиваю, тебя сдѣлали діакonomъ“? Отвѣта не было. Хотѣлось выручить собрата изъ затрудненія. Но какъ? Что сказать? Въ минувшія для дьячковъ и пономарей блаженныя времена, въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, при викарномъ Епископѣ

Павлѣ, было въ модѣ, если позволительно такъ выразиться, изъ дьячковъ производить во діаконы, съ оставленіемъ на той-же вакансіи, хотя бы при церкви уже и былъ діаконъ и не было нужды въ другомъ. Хотѣлось объяснить это Пресвященному и присовокупить, что при нашей церкви имѣется всего даже 4 діакона при одномъ священникѣ (въ томъ числѣ 2 заштатныхъ)!. Но такъ и не послѣдовало отвѣта и на 3-й вопросъ о томъ же Пресвященнаго псаломщику-діакону: послѣдній, очевидно, и самъ въ 1-й разъ въ жизни задавалъ себѣ самому тотъ-же вопросъ: за что и для чего, въ самомъ дѣлѣ?..—Ревизія алтаря и документовъ *) кончилась благополучно, Пресвященный вышелъ на солею, внимательно осмотрѣлъ иконостасъ, церковь... Одобрилъ чистоту храма, затѣмъ предложилъ священнику произнести поученіе, заготовленное ранѣе, а самъ во время поученія благословлялъ подходившихъ по очереди прихожанъ, изъ которыхъ многіе въ первый разъ жизни видѣли „архирея“.

Послѣ поученія священника Владыка обратился со своей стороны къ народу съ архипастырскимъ словомъ назиданія, которое произвело глубокое впечатлѣніе на слушателей. Величественный сановитый видъ архипастыря, его внятная убѣдительная рѣчь о значеніи и высотѣ пастырскаго служенія, о духовной связи пасомыхъ со своимъ пастыремъ, о неуклонномъ исполненіи св. долга исповѣди и причащенія. Св. Таинъ, о посѣщеніи храма Божія, обученіи дѣтей въ школѣ при церкви и пр., произвели неизгладимое впечатлѣніе на слушателей, которые жадно ловили каждое слово, каждое движеніе своего архипастыря. При этомъ особенно умиляло нашихъ пасомыхъ необыкновенное сердечное обращеніе Владыки ко всѣмъ, особенно къ больнымъ, которые съ великимъ терпѣніемъ съ ранняго утра ждали пріѣзда его, чтобы получить его благословеніе, и къ дѣтямъ, которыхъ Пресвященный ласкалъ, гладилъ по головѣ, спрашивалъ молитвы. Одного изъ нихъ—сироту—онъ поручилъ особенному попеченію священника. Это полное любви и милости обращеніе Владыки, благословившаго, при полной дѣятельности церкви, всѣхъ отъ мала до велика, его задушевная рѣчь о высотѣ и значеніи пастырскаго служенія, его полныя достоинства и величія движенія, благоговѣйная молитва и осѣненіе святителемъское, весьма много содѣйствовали къ укрѣпленію духовныхъ узъ любви пасомыхъ къ своему пастырю и причту, а равно навсегда чувствомъ

*) Документы ревизовалъ И. С. Бѣлякинъ.

глубокой любви и благодарности связали и сердца насомых нашихъ съ особою преосвященнаго архипастыря, своимъ святительскимъ посѣщеніемъ оживившаго и возбудившаго къ религіозно-нравственной жизни всѣ лучшія силы народа. Затѣмъ — посѣщеніе школы, гдѣ Преосвященный послѣ испытанія учениковъ, раздавалъ имъ крестики и иконки, и дома священника. Необыкновенно торжественно и важно было медленное шествіе Владыки по селу — въ домъ священника, съ посохомъ въ рукахъ, подъ звонъ колоколовъ, среди стоявшаго по обѣ стороны народа. Не смотря на морозъ, прихожане все время посѣщенія Преосвященнымъ школы и квартиры священника стояли на открытомъ воздухѣ и съ глубокой благодарностію, почтительно испрашивая еще разъ благословеніе святительское, проводили изъ своего села.

Прошло 11 лѣтъ со дня посѣщенія имъ нашей церкви. Съ того времени приходъ нашъ лишился быль духовнаго утѣшенія видѣть своихъ архипастырей. Тѣмъ чувствительнѣе боль при вѣсти о смерти приснопамятнаго архипастыря, тѣмъ сердечнѣе и усерднѣе наша грѣшная молитва о немъ, тѣмъ ниже нашъ поклонъ его далекой дорогой намъ могилѣ!..

За его любовь къ намъ, побудившую презрѣть дальность и трудность пути и неудобство зимняго времени, за его духовное утѣшеніе словомъ и благодатнымъ святительскимъ освѣщеніемъ съ призываніемъ имени Божія на нашу паству, во главѣ съ пастыремъ и причтомъ, глубоко храня его заветы и наставленія, отъ признательныхъ сердецъ и кладемъ этотъ вѣнокъ искреннихъ сыновнихъ благодарныхъ чувствъ на свѣжую могилу.

Другая свѣжая могила, другой вѣнокъ — вѣнокъ братской любви. 8-го января сего года скончался отъ воспаления легкихъ настоятель Зосимо-Савватіевской Соловецкой церкви Никольскаго уѣзда о. Павелъ Ивановичъ Поповъ, 55 лѣтъ отъ роду. Покойный былъ родомъ Верхнеуфтужской Троицкой церкви Сольвычегодскаго уѣзда священническій сынъ. По окончаніи въ 1882 г. курса ученія въ семинаріи со степенію студента, педъ № 7 — разряднаго списка, Павелъ Ив-чъ поступилъ на должность псаломщика къ Вохомской Вознесенской церкви Никольскаго уѣзда, отказавшись отъ мысли продолжать образованіе въ духовной академіи, куда совѣтовали ему ѣхать преподаватели семинаріи. Нужны были средства, нужно было позаботиться о содержаніи своей старушки-матери. И Павелъ Ив-чъ избираетъ скромную,

но всей душою любимую миссію сельскаго пастыря. Въ 1884 г. онъ былъ назначенъ на должность настоятеля Зосимо-Савватіевской ц. Никольскаго у., на которой и состоялъ по день своей смерти. Былъ членомъ Попечительнаго Совѣта и духовникомъ духовенства сначала 1-го округа, а потомъ 4-го округа того-же Ник. у. Имѣлъ набедренникъ, суфью и камилавку.

Жизнь большей части приходскихъ пастырей имѣетъ свои особенныя черты дѣятельности, отношеній къ паствѣ и окружающей его средѣ, своихъ собратій. Жизненный-же пастырскій опытъ, своего рода духовное богатство, дается цѣною тяжелыхъ испытаній, неизбѣжныхъ ошибокъ, иногда даже, можетъ быть, паденій... И потому каждая симпатичная и поучительная черта дѣятельности или даже просто характера того или другого приходскаго, особенно сельскаго священника (ибо большинство таковыхъ) или вообще кого-либо изъ членовъ причта, уже имѣетъ значеніе для всѣхъ и право на скромное оглашеніе ея въ своей средѣ. Къ сожалѣнію, объ очень рѣдкихъ и развѣ только особенно выдающихся членахъ причтовъ сообщаются въ мѣстныхъ епархіальныхъ извѣстіяхъ біографическія свѣдѣнія послѣ ихъ смерти. А между тѣмъ одно перечисленіе голыхъ именъ усопшихъ собратій, въ большинствѣ совершенно неизвѣстныхъ духовенству другихъ уѣздовъ и даже округовъ, ничего не говоритъ о нихъ нашему сердцу, и curriculum vitae почившаго собрата, будь-ли то священникъ или какой-либо другой членъ причта, могло-бы иногда вызвать лишній молитвенный вздохъ въ родной ему средѣ, особенно о душѣ умершихъ въ условіяхъ, требующихъ усиленной молитвы Св. Церкви за почившаго, напр. при смерти печальной, бѣдственной, при полномъ при жизни сиротствѣ почившаго и т. п. Наша пастырская жизнь и дѣятельность, особенно въ наше время, нуждаются въ усиленномъ братскомъ духовномъ общеніи, тѣсномъ единеніи, въ дружной и совѣстной работѣ. Но при жизни мы часто работаемъ одиноко, направляемъ свою дѣятельность, какъ кто можетъ и считаетъ лучше, и на жизненномъ пути встречаемся другъ съ другомъ какъ чуждые, нерѣдко можетъ быть и какъ недруги... Восполнимъ-же эту скудость братской любви общей и горячей молитвой о почившихъ „отцѣхъ и братіяхъ“, когда хотя самый краткій очеркъ ихъ жизни въ мѣстныхъ Епарх. Вѣдомостяхъ воскресить или впервые даже вызвать въ нашей душѣ ихъ образы.

Скромнымъ труженикомъ на нивѣ Христовой былъ и пріснопамятный почившій собратъ о. Павелъ Ив. Поповъ, но всѣ,

знавшіе его съ глубокой скорбію встрѣтили печальную вѣсть о его смерти. Любили его за необыкновенную простоту, искренность и прямоту. Павелъ Ив-чъ не выносилъ „манеръ“, не могъ терпѣть никакихъ „модъ“. Говорилъ правду прямо въ глаза, не позволялъ ни себѣ, ни другимъ небрежнаго отношенія къ вещамъ духовнымъ, вольныхъ сужденій въ вопросахъ религіозныхъ и зналъ основательно богословскія науки, такъ что пренія съ нимъ въ этой области, особенно любимыя имъ, при его философскомъ складѣ ума, были очень трудны. О. Павелъ не любилъ, когда кто-нибудь незнакомый здоровался съ нимъ „за ручку“ и часто таковыхъ осаживалъ. При встрѣчѣ съ собратомъ — іереемъ, онъ всегда давалъ братское цѣлованіе (со словами: „Христосъ посередъ насъ“) и цѣловалъ руку его, поднося непремѣнно и свою къ его устамъ. А нынѣ это доброе обыкновеніе старыхъ временъ наблюдается очень и очень рѣдко въ средѣ іереевъ... Разговоръ о. Павла, даже его церковныя поученія, непривычному слуху казались необычно-строгими, даже сердитыми. Эта особенность его выговора зависѣла отчасти отъ его „военной выправки“. Дѣло въ томъ, что Павелъ Ив. съ 4 курса семинаріи былъ взятъ въ военную службу, на которой онъ и пробылъ, кажется, полтора года. Служилъ въ вологодскомъ баталіонѣ. О своей службѣ онъ не любилъ говорить, отзываясь о ней, какъ о тяжеломъ испытаніи, когда приходилось готовиться къ новому поступленію въ семинарію и въ то-же время подчиняться малограмотнымъ и грубымъ чинамъ до унтеръ-офицера включительно. Только одинъ фактъ изъ своей солдатской службы о. Павелъ любилъ передавать въ трогательной и проникнутой глубокою вѣрою въ Промыслъ Божій формѣ рѣчи своимъ близкимъ знакомымъ. Именно Разъ ему было поручено отвести „пароль“ въ тюремный замокъ. Запечатанный пакетъ съ „паролемъ“ имъ былъ вложенъ за обшлагъ рукава шинели. И вотъ, подходя къ мѣсту назначенія, онъ вдругъ съ ужасомъ видитъ, что пакета нѣтъ! Когда и гдѣ онъ былъ оброненъ, неизвѣстно. Былъ зимній вечеръ морозный и ясный. Ужасъ положенія молодого солдата былъ неописуемый. „Въ памяти моей“, говорилъ нынѣ покойный П. И., „въ эти минуты воскресло все мое дорогое прошлое: и дѣтство, и родной кровъ, и родная семинарія, и какъ живая предстала далекая горячо любимая мать... Приходилось проститься съ ней навсегда. Впереди—судь, безчестіе, тюрьма... Явилась мысль о самоубійствѣ: только поставить бывшее въ рукахъ заряженное ружье

на землю и — конецъ! Въ эти тяжелыя минуты меня спасли, вѣроятно, молитвы матери. Отъ всей души съ сердечнымъ воплемъ и слезами я просилъ Господа избавить меня отъ бѣды и позора, спасти отъ смерти; рыданія тѣснили грудь, исхода, казалось, не было. Не помня себя отъ ужаса, молодой солдатъ направился обратнымъ путемъ, безъ всякой надежды найти пакетъ, такъ-какъ идти приходилось городомъ. И вотъ на берегу, около дома Петра Великаго, на самомъ гребнѣ сугроба или снѣжной косы мелькнула красная печать пакета, при малѣйшемъ вѣтрѣ неминуемо скатившагося-бы внизъ подъ обрывъ. Чудесно спасенный въ эту ночь отъ бѣды П. И-чъ всю жизнь вспоминалъ этотъ случай со слезами благодарности Всеблагому Промыслу Божию. — Особенной симпатичной чертой покойнаго было состраданіе къ бѣднымъ и безкорыстіе; даже въ невинной и законной формѣ никогда онъ не проявлялъ никакихъ притязаній на мзду за трудъ: вѣрилъ другимъ по себѣ, такъ какъ самъ провелъ лучшіе годы юности въ бѣдности и нуждѣ. — П. И-чъ обладалъ крѣпкимъ здоровьемъ: кушался въ мѣстной рѣчкѣ до морозовъ, могъ спать и зимой въ холодномъ чуланѣ, нисколько не опасаясь простуды. Но это излишнее пренебреженіе къ мѣрамъ предосторожности, вѣроятно, и послужило причиной его преждевременной смерти. Въ семействѣ покойнаго остались жена, дочь и два сына, изъ которыхъ одинъ учится въ семинаріи, а другой — въ школѣ безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Вѣчная память почившему собрату, и вѣчный покой въ горахъ блаженныхъ обителѣхъ Отца Небеснаго да даруетъ ему Пастыреначальникъ — Господь!

Senex.

Къ вопросу объ искорененіи пьянства въ народѣ.

Много пишутъ, еще болѣе говорятъ нынѣ объ искорененіи русскаго народнаго зла — пьянства. Указываются различныя средства борьбы съ нимъ, различныя способы его искорененія. Дѣло искорененія этого величайшаго зла, какъ и слѣдовало ожидать, возложено будетъ на духовенство, которое призвано „части Церковь Божию, юже стяжа Христосъ Своею Кровію“. Конечно, это другой, какъ не духовенство, настолько близокъ къ народу, чтобы могъ вести борьбу съ исконнымъ зломъ русскаго мужика — зломъ, которое можетъ быть искоренено лишь нравственнымъ вліяніемъ на народъ, которое поддается искорененію чрезъ благой лишь

примѣръ трезвой жизни пастыря, — поддается искорененію чрезъ простое задушевное собесѣдованіе пастыря со своими пасомыми — въ церкви и дома, и при всякомъ удобномъ случаѣ встрѣчи пераго съ послѣдними. Въ цѣляхъ искорененія народнаго пьянства духовною властію и духовенствомъ вообще открываются общества трезвости, ведутся усиленные собесѣдованія, существуетъ специальная, весьма незначительная литература. Но эти средства борьбы съ пьянствомъ вполнѣ надежны; цѣль можетъ быть достигнута лишь очень медленно. Обычно производить на человека должное впечатлѣніе извѣстное собесѣдованіе, подъ дѣйствіемъ котораго онъ нѣкоторое время, допустимъ, оставитъ пьянство; поучительнымъ будетъ для него брошюра на эту тему, полезны и другія средства... Но все это только на время. Горькимъ опытомъ приводилось убѣдиться, что человекъ, по видимому добровольно наложившій на себя обѣтъ трезвости, снова безобразно отдается пьянству, когда срокъ обѣщанія едва исполнится. Бываютъ часто случаи и невыполненія обѣщаній соблюдать трезвость, какъ это нерѣдко случается съ членами „обществъ трезвости“. Насколько ужасно сіе, если примемъ во вниманіе, что всѣ члены „обществъ трезвости“, записываясь сюда, даютъ клятвенное обѣщаніе: „Самому Богу соблюсти трезвость! Лучшимъ средствомъ къ искорененію пьянства служила бы специальная литература, яркими красками сильно захватывающая душу читающаго или слушающаго, въ живыхъ образахъ представляющая всю гнусность пьянства, изображающая всю тяжесть его послѣдствій для самого пьяницы и его семейства и проч. Для крестьянина многозначущъ примѣръ, или картина вредныхъ послѣдствій пьянства. Мнѣ приводилось встрѣчать въ домахъ трезвыхъ крестьянъ лубочную картину, изображающую пьяницу во всемъ безобразіи: свирѣное его лицо, дерется онъ, въ кровь разбитъ онъ, бьетъ жену и дѣтей, ломаетъ домашнюю обстановку, на улицѣ попадаетъ въ руки полиціи и т. д. „Вотъ, батюшка, говоритъ мнѣ крестьянинъ, помню — каково пьянство-то!.. Хорошо вы дѣлаете, что трезвы, слава Богу!“ „Да, хорошо и ты дѣлаешь, отвѣчалъ ему я, что не пьешь ничего хмельнаго... Трезво... Хорошо!“ „Да, думаю, пригодится“, смиренно отвѣчалъ крестьянинъ. По нашему мнѣнію, сильнымъ средствомъ къ искорененію пьянства служила бы печать съ картинами, изображающими въ отвратительныхъ его видахъ во время возбужденнаго состоянія. Дѣятельность „обществъ трезвости“ была бы гораздо благотворнѣе, если бы они стали производить со-

бесѣдованія со свѣтовыми картинами, хотя бы въ училищныхъ зданіяхъ. Съ другой стороны, какъ на необходимое средство борьбы съ народнымъ зломъ, слѣдуетъ указать на личную трезвую жизнь священника. Что крестьянство слушаетъ священника, что оно ему во всемъ вѣритъ, объ этомъ говорить излишне. Скажемъ лишь о томъ, какое впечатлѣніе производитъ на крестьянъ трезвая жизнь пастыря. Когда священникъ приходитъ къ прихожанину, послѣдній всегда радъ предложить ему носильное угощеніе, которое, какъ извѣстно, по возможности не составляется безъ бутылки вина. Первая рюмка первому гостю, вторая хозяину. Не такъ бываетъ въ томъ случаѣ, если священникъ трезвый, рѣшительно отказывается и не пьетъ! и хозяину при этомъ, конечно неудобно и зазорно пить. „Вѣдь не пьетъ лицо благословляющее“, и намъ пить не надо, можно развѣ немножко, говорятъ крестьяне, если батюшка благословить“. При трезвомъ священникѣ и крестьянинъ большею частію трезвый, — при пьяномъ — и онъ пьянъ и готовъ на всякія грубыя выходки и насмѣшки надъ священникомъ же. „Попъ пьянъ, — а намъ и Богъ велитъ пить“, приводится слышать отъ крестьянъ. Пьяное священство — первый заразительный примѣръ для прихожанъ; трезвое священство — сила, если не сокрушающая пьянство, то сокращающая и ослабляющая.

Сельскій священникъ.

Мама скончалась...

(Некрологъ).

Святныя искреннія слезы...
То слезы бѣдныхъ матерей.

Не знаменитость скончавшейся и не популярность ея имени побуждаютъ сказать нѣсколько словъ въ память ея. Покойная не была виднымъ общественнымъ дѣятелемъ и быть можетъ очень мало извѣстна даже въ кругу духовенства Вологодской епархіи. Но типичность личности почившей, жизнь которой представляетъ сплошную вереницу бѣдствій и несчастій, хорошо извѣстныхъ вообще многимъ изъ духовенства, въ частности — нашей обширной епархіи, позволяетъ и намъ почтить память покойной своимъ нехитрымъ добрымъ словомъ.

Скончавшаяся 21 апрѣля сего (1911) года Александра Николаевна, урожденная Громова (въ замужествѣ Шергина), не

напрасно прожила свои 60 лѣтъ (род. 16 марта 1851 г.). Она очень усѣбно исполнила свой материнскій долгъ, вспоивъ и вскормивъ „цѣлую ораву“ дѣтей, оставшихся послѣ отца малолѣтними. Сначала „поповна“ — дочь священника (села Вотложмы), затѣмъ — жена сельскаго (с. Кивокурья Сольвыч. у.) учителя, писломщика (съ 1874 г.), (съ 1886 г.) дьяконица (с. Песчанницы Сольвыч. у.), съ 1893 года — вдова, просфория (Пачеозерской Михайло-Архангельской ц. Сольвыч. у.), обремененная семействомъ въ 6 человекъ, и наконецъ — переутомившаяся, обезсиленная, больная старушка, а то и просто „старуха“, отъ начала и до конца своей жизни она несла тяжелый крестъ бѣдности и всевозможныхъ лишеній. По собственному выраженію почившей, не видала она свѣтлыхъ дней. Еще въ дѣтствѣ, у отца, даже тутъ — въ родной семьѣ она уже испытала горькую долю. Дочь священника вмѣстѣ съ деревенскими дѣвками должна была „сидѣть за кроснами“ и ткать портна и скатерти. Только кое-какъ удалось ей научиться писать да читать. Отцу боялись попадаться на глаза, настолько онъ былъ строгъ. „Поповна“ почти ничѣмъ не отличалась отъ крестьянской дѣвушки. Тяжелая жизнь въ родной семьѣ и полная безпомощность въ случаѣ смерти родителей была причиной того, что не долго думая ее выдали замужъ почти первому подвернувшемуся человѣку. Замужество не было лучшей участью. Частая выпивка мужа и осложненія семейной жизни (кромѣ 6-ти, оставшихся послѣ смерти отца, живыхъ и по настоящее время, въ нашей семьѣ числятся трое изъ старшихъ умершими) не могли дать счастья. При бѣдности приходилось не только самой водиться съ маленькими дѣтьми, обряжаться и исполнять всѣ дѣла по хозяйству, — приходилось еще ухаживать за пившимъ мужемъ, который иногда, прійдя пьяный, на всѣхъ наводилъ такой страхъ, что мы-дѣтишки обычно разбѣгались и прятались; только мама и рѣшалась ходить за отцомъ, упрашивая его лечь и выспаться. Отъ этой жизни конечно не осталось и копѣйки на „черный день“. Именно такимъ „чернымъ днемъ“ было время вдовства Александры Николаевны, когда всецѣло на ея рукахъ, безъ какихъ-либо средствъ къ существованію осталась семья — „малъ мала меньше“, изъ которой старшему было 16 лѣтъ, а младшей всего 8 недѣль отъ рожденія. „Семеро по лавкамъ“, какъ говорилось тогда, „и всѣ ѣсть просить“... Трудami скончавшейся всѣ мы выросли и самая млад-

шая, теорь — учительница церковно-приходской школы, под конец жизни мамы давала ей приютъ, обеспечивавшійся уже собственнымъ заработкомъ, но тогда... Сколько было слезъ и горя!.. Заплачетъ сама, а за ней всѣ. И выйти никуда было нельзя. Развѣ всей семьей куда нибудь пойдешь, а оставить не съѣсть; такъ и приходилось одной свое горе мыкать. „Хоть въ петлю подбѣзай отъ такого житья“ — жаловалась она бывало заходящимъ въ нашу просфорническую сторожку добрымъ людямъ (изъ которыхъ наилучшія воспоминанія оставили по себѣ церковный староста Павелъ Ивановичъ и торговецъ изъ деревни Рѣковское Аѳанасій Петровичъ Вѣлыхъ со своей супругой Марою Львовоной). И много припоминается случаевъ изъ печальной дѣйствительности этой жизни, когда приходилось существовать буквально „чѣмъ Богъ послалъ“, но описывать все было бы слишкомъ длинно. Приходится только удивляться, какъ могла существовать семья въ семь человекъ на 42 рубля въ годъ, въ счетъ которыхъ входило 22 руб. пособія изъ епархіальнаго и благотворительнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія и 20 рублей просфорническихъ доходовъ (ругой). Срывавшіяся, подобныя приведеннымъ, фразы отчаянія достаточно иллюстрируютъ положеніе несчастной матери, но она честно свершила свое дѣло, твердо вѣруя, что: „никто, какъ Богъ“

Почившая была искренне вѣрующая хрістіанка и нельзя въ воспоминаніи о ней умолчать о томъ, что было для нея необходимымъ, самымъ важнымъ и незаменимымъ, что поддерживало духъ труженицы и дѣйствительно помогло ей вырастить и вывести въ люди всѣхъ своихъ малышей. Богъ да добрые люди. Владычица — Царица Небесная не оставитъ сиротъ, часто говаривала покойная и этими словами выражала и радость по поводу счастливаго случая и надежду на облегченіе въ наиболѣ трудные моменты, когда казалось, что на добрыхъ людей надежда плоха. Особенно чтитъ покойная и считала своей покровительницей Пресвятую Богородицу, Казанская икона которой, ея родителеское благословеніе, была святыней всей семьи. Казеннымъ учрежденіямъ обязаны мы своимъ образованіемъ, но молиться учила насъ Мама и въ силу этого наученія трое старшихъ изъ нашей семьи уже священники. Въ ущербъ собственному благополучію (такъ какъ у женатаго сына ей меньше было приюта) она всегда въ священствѣ полагала жизненный идеалъ для своихъ сыновей.

„Слава Богу и Царицѣ Небесной! Опять день протянули“ —говаривала Мама, кончая свой многотрудный день. Бѣдно и трудно жилось въ то время даже намъ-малышамъ, навѣрное еще труднѣе приходилось ей. Плакали, но извѣстно, слезами горю не поможешь. Все было на рукахъ покойной и требовало отъ нея неустаннаго труда, попеченія и заботъ. Бѣдная вдова мучилась, ваявшая всѣ силы, поддерживая себя въ многотрудномъ подвигѣ надеждой на лучшее будущее, когда вырастутъ ея дѣти и „дадутъ матери кусокъ и уголь“. Но и этимъ ея надеждамъ не суждено было осуществиться... Теперь скончался страдальческій подвигъ...

Прощай, милая Мама! Христосъ воскресъ! и мы вѣримъ, что воскреснешь и ты къ вѣчной жизни вмѣстѣ съ Нимъ. Твоя самоотверженная любовь къ своимъ дѣтямъ и истинно-христіанская речина служить залогомъ вѣчной жизни съ Воскресшимъ. Сподобившій тебя нѣсколько разъ приобщиться Св. Тайнъ и приступить къ таинству елеосвященія здѣсь, предъ твоимъ отходомъ, Спасъ нашъ упокоить тебя съ праведными во Царствіи Своемъ.

Смотри на своихъ выросшихъ и учившихся дѣтей, ты сколько разъ говаривала: „что-то бы сказалъ отецъ, если бы Богъ судилъ ему (теперь) васъ увидѣть“! И ты, милая Мама, не дождалась, пока устроились всѣ! Господь Богъ судилъ иначе. Онъ Самъ уготовалъ тебѣ мѣсто свѣтлое и покойное...

Упокой, Господи, душу усопшей рабы Твоей Александры и введи ее въ мѣсто, идѣже присъщаеъ свѣтъ Лица Твоего.

С. III.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ П. ЮРГЕНСОНЪ.

(Москва, Неглинный проездъ, № 14).

Иеромонахъ Іадоръ. 5. Иже херувимы № 1 и 6. Эктенія мирная (рускими буквами по-гречески). Парт. по 30 коп., голоса по 20 коп.

Коптѣловъ В. Херувимская пѣснь. Парт. 30 коп.

Маттисонъ М. 1. Догматики Богородичны 8 гласовъ, знаменн. распѣва для 4 голос. одноп. хора. Парт. 75 к.—2. Воскресные утренніе тропари (Днесъ спасеніе и Воскресъ изъ гро-

ба) — парт. 20 коп. — 3. Благослови душе моя — для смѣшани.
хора, парт. 30 коп.

Никольскій А. Ор. 3. Для женскаго хора: три М-ра Милость мира — п. парт. по 30 коп. — Ор. 4. Три стихиры знаменнаго роспѣва на Р. Х. — въ одной тетради — парт. 60 коп., гол. 40 к. Ор. 33. Четыре небольшихъ концерта: 1. Господи Господь нашъ — парт. 40, гол. 30 к., 2. Помилуй насъ Господи — парт. и гол. по 20 коп., 3. Господи помилуй насъ — парт. 30, гол. 20 к., 4. Радуйтесь праведнии о Господѣ — гол. 20, парт. 30 коп.

Шведовъ Константинъ, 1. Догматикъ 3 гласа Знамени. росп. — для тенора и баса — парт. 30 к., 2. Тоже 2 гласа для 2 тен. и баса — парт. 20 к., 3. Тоже — 5 гл. — парт. 30 к., 4. Милость мира — парт. 40, гол. 20 к. 5. Тебе поемъ и 6. Отче нашъ — парт. по 30, гол. по 20 к. 7. Блажени яже избрахъ — парт. 50 к., гол. 40 к. 8. Не имамы иныя помощи — парт. 40 к., гол. 20 к. 9. Благо есть исповѣдаться Господеву — парт. 50 к., гол. 40 к. 10. Слава... Единородный Сыне — парт. 40, гол. 20 к. 11. Сугубая ектенія — парт. и гол. по 20 к.

3—1

Цеховой мастеръ по производству малярныхъ и столярныхъ работъ **Павелъ Васильевичъ Шубинъ** принимаетъ на себя обязательства по производству работъ своего цеха по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Долголѣтняя практика и добросовѣстное отношеніе къ своему дѣлу, засвидѣтельствованныя отзывами частныхъ лицъ и учреждений Духовной Консисторіи и другихъ, могутъ служить ручательствомъ въ аккуратности исполненія работъ. Съ почтеніемъ **Павелъ Шубинъ**. Адресъ: Вологда, 2 уч. Владимірская Дворянская улица, собственный домъ. 3—1

Содержаніе:

1. Воспоминанія причетническаго сына. 2. Экскурсія воспитанниковъ Вологодской духовной семинаріи 13—17 апрѣля 1911 года. 3. Два вѣнка. 4. Къ вопросу объ искорененіи пьянства въ народѣ. 5. Мама скончалась. (Некрологъ). 6. Объявленія.

Редакторъ **Ив. Суворовъ**.

Вологда. Типографія Губернскаго Правленія. 1911 г.